

ДИВНЫЕ БЕРЕГА

У Ворона две жизни

Когда заканчиваются сказки

ЕЛЕНА
КОНДРАЦКАЯ

КОГДА
ЗАКАНЧИВАЮТСЯ
СКАЗКИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

Иллюстрации на обложке и форзацах
Татьяны Дадочкиной

Дизайн обложки *Екатерины Петровой*

Кондрацкая, Елена Анатольевна.
К64 Когда заканчиваются сказки / Елена Кондрацкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-164574-8

Василиса бросает волшебный клубок на землю, но... ничего не происходит. Она застряла в мире, напроочь лишённом магии. Все, что у нее осталось, — сны о доме.

Кирши во что бы то ни стало пытается разорвать клятву с Атли и стать свободным. Его путь лежит в Северные Земли.

Атли в одиночку придется выступить против Совета и царя, чтобы отстоять независимость Гвардии.

Но это не единственная проблема: нечисти становится все больше, и она все ближе подбирается к Даргороду. Грядет беда, которая окажется куда страшнее борьбы за власть. Можно ли остановить зло, если черные крылья Аспида уже заслонили солнце?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164574-8

© Кондрацкая Е., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Катись, клубок, веди, клубок,
Сквозь стужу, дождь и зной.
Ты мчись, клубок, по той тропе,
Что приведёт домой.*

1

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Кирши узнал Василису ещё до того, как она вошла в комнату. Сначала он услышал её шаги, лёгкие и быстрые, их звук разносился по коридору корпуса и становился всё громче и громче, пока не стих у его двери.

Кирши замер, боясь спугнуть невидимую тень чародейки, но сердце его радостно забилось, не веря, что ещё мгновение — и он снова увидит её.

Она не стучала — ворвалась в комнату, ослепительно красивая, румяная и запыхавшаяся от бега, в расстёгнутом кафтане и с распущенной косой. Кирши не мог поверить своим глазам, боялся пошевелиться, боялся приблизиться и прикоснуться — тогда она точно исчезнет, растворится, словно зыбкий утренний туман.

— Чего смотришь, будто мертвеца увидел? — Губы Василисы изогнулись в самодовольной улыбке.

Кирши вздрогнул. Это всё же была она! В один стремительный шаг он пересёк комнату и прижал Василису к себе. Тёплая! Живая и тёплая. Он соби-

8 рал тонкий аромат с кожи, что пахла так же в тот день. Можжевельником и лавандой.

— Я так хотела тебя увидеть, — прошептала она, глядя его по спине.

Кирши закрыл глаза, стараясь запечатлеть этот момент в памяти. Её глаза, её руки, её тяжёлое дыхание.

— Извини, — прошептал он в ответ, — что не спас тебя.

Василиса вздрогнула и отстранилась. В глазах застыло удивление, губы раскрылись. По подбородку сбежала тонкая струйка крови.

— В следующий раз. — Кирши аккуратно вытер кровь и провернул нож, что вошёл Василисе в спину точно между рёбрами. — Лучше принимай форму кого-то живого.

Василиса зашипела, словно кошка, оттолкнула Кирши и отскочила. Черты лица её изменились, заострились и вытянулись. Комната покачнулась, зарыбила и превратилась в заброшенную избу, засыпанную снегом. В дыру, оставшуюся от крыши, заглядывала подёрнутая дымкой облаков луна.

Василиса шипела и дёргалась, тщетно пытаясь дотянуться до ножа в спине. Нет, это уже была не Василиса. Длинные чёрные пальцы, словно лапки паука, царапали воздух в пяди от рукояти кинжала, лицо посерело, глаза смотрели на Кирши двумя красными угольками, нижняя челюсть отпала, вывалив на грудь длинный сизый язык. Такие же сизые волосы спутанными нитями волочились по полу.

Ночницы — то ещё мерзкое зрелище. Правда, большинству их жертв — слава богам — не приходилось видеть этих злобных тварей в истинной форме. Чтобы подобраться к добыче, ночницы насыла-

ли морок, принимая облики красавиц, любовников или близких — кого успевали ухватить из обрывков последних воспоминаний.

Кирши наклонил ножны, и катана выскользнула из них с тонким поющим звуком — клинок жаждал напитаться кровью.

Ночница вскинулась, оставила попытки достать нож и бросилась на Кирши. Когти полоснули воздух у самого лица, и Кирши одним движением отсек ей пальцы.

Ночница завопила, и крик тут же оборвался — катана вонзилась в тело, разрубив его наискось — от бедра к плечу. Завершающим ударом Кирши снёс ночнице голову. Та, неуклюже шлёпая языком, полетела в снег. Но не успела голова достигнуть земли, как рассыпалась прахом, а за ней исчезло и всё тело. Нож, что прежде торчал из спины твари, глухо ударился о землю.

Кирши стряхнул с меча чёрную кровь, вытер лезвие и загнал обратно в ножны. Катана потяжелела, довольная сегодняшней добычей.

Подобрав нож и вернув его в ножны на поясе, Кирши вышел из избы, взял оставленный на плетне меховой плащ и набросил поверх кафтана. Заброшенная деревня тонула в снегу и темноте.

Воздух задрожал, и на плетне появился чёрный упитанный кот.

— Ать, как ты её! — встрепенулся Тирг. — Уродина какая — жуть! Язык, язык видал? Болтается, как жирный червяк!

— Мог бы и предупредить, что она поблизости, — проворчал Кирши.

— Да ты меня разве слушаешь? — Тирг почесал рваное ухо. — Я тебя с волколаком предупреждал? Предупреждал. А с упырём тем? Тебе лишь бы железкой своей помахать, да чем опаснее, тем лучше.

10 И вообще, я домовой, а не сторожевой. Тебе надо, ты и глазей по сторонам.

Кирши не ответил. Он уже давно понял, что лучший способ заткнуть Тирга – перестать обращать на него внимание. А уж если начнёшь спорить – пиши пропало, домовой будет трещать, пока язык не отвалится.

– А в кого она для тебя обратилась? – спросил Тирг. – Ты её так обнимал, страхолюдину, что я думал, меня стошнит от этой вони.

– Да ни в кого, – пожал плечами Кирши. – Я ей подыграл, чтобы подобраться поближе.

– А-а-а, молодец. Это ты хитро придумал.

Ноги проваливались в снег, холодный ветер забирался под плащ и кусал лицо. Тирг прыгал по следам Кирши и брезгливо потряхивал лапами.

Большинство изб в Горлицах – так называлась деревня – выглядели прилично. Люди покинули дома совсем недавно, до смерти напуганные ночницами, которые принялись душить во сне и жрать местных мужиков. Ночницы обыкновенно встречались редко и поодиночке, но в Горлицах Кирши убил троих. Вряд ли в этой деревне разом любовники убили и забыли похоронить сразу трёх обманутых женщин, и те по общему совпадению переродились в ночниц. Эти твари были залётными, пришедшими невесть откуда и невесть по какой причине.

Вороной конь терпеливо дожидался хозяина на въезде в Горлицы и жевал уцелевшую под первым снегом траву. Конь был молодой, длинноногий, послушный и, похоже, побаивался Кирши, ещё не успев привыкнуть к новому хозяину. За старым конём Кирши не уследил – гнедого жеребца сожрал волколак на прошлом задании.

Кирши потрепал лошадь по холке и сунул ногу в стремя.

— Кирши! — позвал Тирг.

— М-м?

Он не успел повернуться, как тёмная тень сбילה его с ног и потащила по снегу. Правую лодыжку пронзила острая боль. Ещё одна ночница! Конь заржал, поднялся на дыбы и дал дёру.

Кирши попытался сгруппироваться, но тварь двигалась так быстро и так крепко держала его за ногу, что он едва успевал закрываться от залеплявшего глаза снега. Эта ночница не стала возиться с мороком, и Кирши мог разглядеть её серую горбатую спину с острыми бугорками позвоночника. Когти впились в лодыжку, пробив толстую кожу сапог.

— Твою мать, — выругался Кирши, когда понял, что задумала ночница.

Она волокла Кирши между домами к невысокому деревянному колодцу. Если он срочно что-нибудь не придумает, то вряд ли выберется — не свернёт себе шею при падении, так замёрзнет на смерть в ледяной воде.

Изловчившись, Кирши наугад пнул свободной ногой руку ночницы. Попал. Она зарычала, но не остановилась. Пнул сильнее, и она обернулась, чтобы схватить и вторую ногу. Этого короткого промедления хватило, чтобы развернуться и выхватить нож.

Кирши всегда плохо метал ножи. Вот и сейчас лезвие, просвистев, воткнулось под костлявую ключицу, хотя метил он точно в голову. Впрочем, удар оказался достаточно сильным, чтобы ночница выпустила Кирши.

Он перекатился по снегу, выпуская из ножен катану и одновременно поднимаясь на ноги. Ночница закричала, выпучив на Кирши красные глаза, взметнулась туманом и исчезла. Умеет мерцать? Эта тварь сильнее предыдущих.

12 Кирши стиснул рукоять меча и сплюнул — на языке остался металлический привкус крови. Похоже, он разбил губу при падении.

— Вылезай! — крикнул Кирши, вглядываясь в темноту и медленно продвигаясь вперёд, в сторону колодца, куда так прытко устремилась тварь. Возможно, если он подойдёт достаточно близко, она нападёт, решив довести начатое до конца.

Снег лежал ровный и безупречно белый настолько, что полная луна, отражаясь в нём, делала ночь светлее. Над колодцем склонилась под тяжестью ягод рябина, яркие гроздья гнули ветви к воде, словно хотели напиться. Несколько ягод оторвались от ветки и нырнули в чёрную бездну.

Всплеск.

— Кирши? — позвал звонкий мальчишеский голос, и в следующий миг на краю колодца появился Хару.

— Ах ты ж сука! — Кирши ринулся к нему, но Хару закрыл глаза и бросился вниз.

Всплеска не последовало.

Кирши чертыхнулся, боком подошёл к краю колодца и заглянул внутрь. В темноте ничего было не разглядеть.

— Останься сегодня ночью со мной? — прозвучало за спиной.

Василиса в одной сорочке стояла на снегу всего в нескольких шагах от Кирши. Он взмахнул мечом, но разрубил лишь чёрный туман, в котором растворилась чародейка.

— Мы всегда будем вместе, потому что клятва вечна, — голос Атли обжёг ухо. — Ты мой.

Удар. И снова мимо.

Ночница играла с ним. Не пыталась обмануть, как предыдущая, она хотела его разозлить, заставить в гневе рубить воздух и в конце концов вымо-

таться, самого себя загнав в угол. Кирши усмехнулся. Ну, наконец-то что-то интересненькое.

— Почему ты дал мне умереть?

Снова Хару. На этот раз он сидел на ветке рябины и болтал босыми ногами. С тёмных кудрей капала вода, раскосые глаза смотрели грустно и укоризненно, голова вжалась в худые плечи.

— Потому что ты был засранцем, — бросил Кирши, настороженно вертя головой. Он уже понял, что сейчас на рябине — как и во всех образах до этого — была не ночница, а лишь её тень. Настоящая тварь пряталась где-то во мраке.

— Я думал, мы друзья навек, — протянул Хару, краснея. — Неужели она больше тебе по нраву?

Хару спрыгнул с дерева и обратился в Василису, которая стянула с себя сорочку и бросила на снег. Кирши отвёл глаза. И тут заметил на снегу тёмные, почти чёрные, пятна крови.

— Предпочитаю не менять одного мертвеца на другого, — сказал он, медленно отступая к ближайшей избе.

— Не заставляй меня снова приказывать тебе. Я хочу, чтобы ты сделал всё по своей воле, — от голоса Атли по спине пробежал липкий холод. Кирши сглотнул.

— Обычно, — бросил он, не глядя на Атли и подкрадываясь к двери в избу, — ты отлично справляешься сам.

Что ответил Атли, Кирши не услышал — он вышиб дверь ногой и влетел в избу. Раненая ночница, сидевшая посреди пустой комнаты, зашипела и кинулась на него.

Кирши был готов. В последний момент он шагнул в сторону, пропуская её мимо, и, развернувшись, одним ударом отсёк уродливую голову.

14 — Это последняя? — в комнату трусливо заглянул Тирг.

— Надеюсь.

— Конь твой сбежал.

— Я видел.

— Раз мы теперь пешком, чур, ты меня несёшь.

— Я и так тебя всегда ношу.

— Справедливо. — Домовой опасно понюхал прах ночницы. — Ну и воняет! Жуть! Что теперь?

— Ты затыкаешься, и мы идём искать коня.

— А потом?

Кирши выразительно взглянул на Тирга, тот строил глупую морду:

— Это уже надо было заткнуться?

Кирши не ответил. Он уже думал о том, как ночнице удалось обрести такую силу: не только мерцать, но и навести больше одного морока. Определённо, творилось что-то неладное.

— Что-то грядёт, — пробормотал он, покидая избу.

Тирг поджал хвост и промолчал. Он отчего-то впервые решил послушаться Кирши и заткнуться. Домовой, понял Кирши, тоже почувствовал тьму, что витала в воздухе. Тьму, что пронизывала ночь и не сулила ничего хорошего.

* * *

Конь нашёлся у соседней деревни, в которой Кирши остановился на ночлег. Деревенька такая маленькая, что в ней не было ни трактира, ни постоялого двора. Так что старосте — седому, но ещё вполне себе крепкому старику — пришлось пустить Ворона на порог собственного дома. Жены у старика не было, зато были сын с невесткой, а ещё пятеро внуков, что, сгрудившись на печке, гла-

зели на Кирши и всю ночь шушукались, мешая спать. 15

Вот и сейчас, когда Кирши, заснеженный и чуть не околевающий от холода, ввалился в избу, они сбились в кучу и возбуждённо заверещали:

— Убил чудище?

— Убил! Убил чудище!

— Страшно!

— Тихо ты, только тебе и страшно!

— Смотрите! Это там кровь?

Кирши не обратил на их галдёж никакого внимания, сбросил плащ и устало опустился на лавку. Скинул сапоги и осмотрел раненую ногу. Ничего серьёзного — когти ночницы лишь оцарапали кожу.

В горницу вошла Купава — невестка старосты, маленькая и худенькая, как осинка с двумя тонкими пшеничными косами, она несла завернутый в полотенце горшок. Он дымился и пах капустой и грибами.

— Как раз к ужину! — воскликнула она.

Горшок тяжело ухнул об стол, Купава выпрямилась и отёрла полотенцем вспотевшее лицо.

— Батюшка захворал, так что уж почивает. А Видан вот-вот подоспеет. Силки проверить отправился. А ну! — Купава повернулась к детям. — Тикайте отседава!

Она махнула на них полотенцем, и те, завизжав, ураганом скрылись в дверях.

— Деду проведайте! — крикнула она им вслед. — Он вам сказок расскажет.

— А дети есть не будут? — спросил Кирши, натягивая сапог.

Купава замялась и покосилась на двери.

— Они уже поели, — ответила она уклончиво. — Пущай с дедом повозятся. А мы тут как-нибудь сами.

16 Кирши хмыкнул, но ничего не сказал. Купава заметила пропитанную кровью штанину, тихо охнула, но помощи не предложила.

Дверь в сени распахнулась, и в горницу вошёл Видан, неприлично огромный и широкоплечий по сравнению со своей маленькой женой. Светлая борода и густые брови его покрылись инеем, в красных от мороза руках — по зайцу.

— Завтра жаркого наделаем! — пробасил он, складывая дичь на лавку, и покосился на Кирши. — Чтоб на всех хватило.

— Я работу сделал, — покачал головой Кирши. — С рассветом уеду.

На лице Видана промелькнуло облегчение, но он сказал:

— Оставайся сколько знаешь, Ворон. Только лихо за собой не приведи.

Кирши в ответ только кивнул.

Расселись ужинать, и за столом тут же воцарилось молчание, от которого, кажется, больше всех страдала Купава. Она всё ёрзала на лавке и тулилась к мужу, поглядывая то на него, то на Кирши, то к себе в тарелку.

— Очень вкусная капуста. — Кирши решил развять напряжение. Вышло неловко, но Купава немного расслабилась и неуверенно заулыбалась:

— Благодарствую. Не чета столичным кушаньям. Вам небось в гарнизонах ваших помудрёнее блюда подают.

— В столице может быть, а в походах мы едим что придётся. А твоя стряпня дорогого стоит, — Кирши понадеялся, что выдал что-то вроде комплимента.

Купава зарделась и спрятала взгляд, а вот Видан покосился на Кирши неодобрительно и едва заметно придвинулся к жене.

— А это правда, о чём люди судачат? — вдруг вскинулась Купава. — Что невеста царя из-под венца сбежала?

Кирши чуть не поперхнулся от такой резкой смены темы. Так вот чего Купава мялась! Боялась спросить то, что её действительно волновало.

— А люди так говорят? — переспросил он.

— Говорят, что они с царским сынком Радомиру рога наставили, — отозвался Видан. — Опозорили его у всех на виду, и ведьма эта сбежала подальше от царского гнева. Кто-то даже поговаривает, что она чернокнижницей была.

— И говорят, после этого Радомир впал в тоску да запил, а советница его с башни выкинулась, — понизила голос Купава. — Да вот мы не знаем, чему верить, а чего сторониться. А тут ещё и поговаривают, что нечисть себя странно ведёт. Вот мы и беспокоимся.

— Это всего лишь слухи. Беспокоиться не о чем, — солгал Кирши.

Слухи не ввали — по крайней мере, не обо всём. У них с Атли были неуверенные предположения, что нечисть беспокоилась из-за запретных чар Белогора, но с его смертью ничего не изменилось, стало только хуже, а значит, причина крылась в другом. Но, впрочем, Кирши это беспокоило мало, сейчас его больше волновали собственные цели. А мир... Мир пусть хоть сгорит дотла.

2

ВДАЛИ ОТ ДОМА

Снег медленно опускался на серый город. Огромный и каменный, словно могучий когда-то великан, которого пригвоздили к земле маленькие человечки, растерзали и устроили себе на обглоданных останках новый дом.

Василиса сидела, обхватив колени, на широкой кровати в маленькой комнатке на двадцатом этаже серого дома и боялась даже подойти к окну, чтобы её не стошнило от головокружительной высоты.

В комнату заглянула Дина — высокая худая девушка с пышными кудрями цвета графита и непроницаемо-чёрными глазами. Она не отходила от Василисы ни на шаг с того самого дня, как та пришла в себя.

— Свет, твоя мама звонит, точно не хочешь поговорить? — спросила она, прикрывая рукой розовую светящуюся пластину, которую вечно таскала с собой.

«Смартфон», — всплыло в сознании, и Василиса схватилась за голову: чужие воспоминания и мысли тревожили и пугали. И самое ужасное, она никуда не могла от них деться, как ни старалась.

Приняв этот жест за отказ, Дина поджала пухлые губы и поднесла смартфон к уху.

— Да, Антонина Анатольевна, думаю, ей нужно ещё немного времени. Не переживайте, врач сказал, что со временем... да-да. Нет, приезжать не нужно, мы справимся. Как ваши дела? Как Калифорния? Тепло? — Дина вышла из комнаты, весело щелбеча в трубку.

Но уже скоро вернулась с подносом в руках.

— Тебе нужно поесть, — сказала она беззаботно, наморщила нос с выразительной горбинкой и поставила поднос на прикроватную тумбочку.

Комнату наполнил аромат свежей выпечки, корицы и ещё один горько-сладкий запах, которого Василиса прежде не слышала. Василиса, но не Светлана.

«Кофе».

Василиса поморщилась.

Дина села рядом и заправила ей за ухо прядь волос. Чужих волос, почти таких же длинных, но гораздо темнее от глубоко въевшейся краски. Волнистые пряди слипшимися сосульками спадали на спину — Дине каждый раз приходилось буквально загонять Василису в душ. И если бы не она, то чародейка, наверное, совсем ничего не ела бы и уже давно умерла бы с голоду.

— Эй, — позвала Дина ласково, стараясь заглянуть Василисе в глаза. И уже не впервые за эти дни продолжила: — Что-то случилось с тобой. Ты можешь поделиться со мной всем, чем захочешь.

Язык. Ещё одна вещь, которая поражала Василису до глубины души. Она совершенно точно впервые слышала этот язык. В нём звучали знакомые нотки, обрывки похожих слов, но не более. И тем не менее Василиса понимала каждое сказанное слово. Потому что новое тело его знало? Или потому

20 что глубоко внутри в нём всё же остался осколок Светланы, которую Василиса, сама того не желая, выгнала из дома.

— М-м? — напомнила о своём присутствии Дина. — Помнишь, когда я пришла к тебе в первый день, ты сказала, что ты не Света. Хочешь, можем поговорить об этом?

— Ты мне не поверишь, — хмыкнула Василиса.

Ей и в её мире вряд ли бы кто поверил. Где это видано — душа-подменыш. А уж в этом мире, на-прочь лишённом магии... Сколько Василиса ни пыталась, не могла сотворить даже самых простых чар, она не чувствовала магию ни в себе, ни в окружающем пространстве. И это пугало ещё сильнее. Если в этом мире нет магии, то сможет ли она вообще отыскать дорогу домой?

— Ты же доверяешь мне.

«Светлана доверяла тебе. А я тебя даже не знаю».

— Знаешь меня.

«Не знаю».

— Помнишь, в первом классе ты рассказала мне про подкроватного монстра и мы вместе выслеживали его целую неделю?

Василиса помнила и не помнила одновременно. Чужие воспоминания накатывали на неё, словно волны на пологий берег. Разрозненные картинки, обрывки и вспышки, они появлялись и исчезали, оставляя после себя ощущение бесконечного дежавю. «Дежавю» — это слово тоже было для Василисы не более чем осколком чьей-то прошлой жизни, который отчаянно пытался встроиться в новую мозаику.

Всё, что осталось у Василисы, кроме подёрнутых туманом собственных воспоминаний, — сны. Пронзительные, яркие сны о доме, по которому она так скучала, о холодном море и скалах, которые она

никогда не видела, и о синих глазах, которые она боялась больше никогда не увидеть.

— Мне приснился сон, — тихо сказала Василиса, бросая на Дину испытующий взгляд, проверяя, можно ли идти дальше, стараясь одним только взглядом прощупать её отношение к Светлане, её любовь и её веру, которые очень понадобятся Василисе, если она всё же решится рассказать правду или хотя бы её часть.

Дина в ответ кивнула и забралась с ногами на кровать. Она вся вдруг засветилась, будто солнце, взошедшее посреди тёмной ночи. И Василисе стало жаль её, несколько недель смиренно ждавшую, когда Светлана, её Светлана снова заговорит с ней. Жаль, Дина не знала, что этого не будет, как бы она этого ни ждала. А Василиса не находила в себе сил сказать об этом прямо. Дина нравилась ей, была добра и мила, да и, в конце концов, Дина была единственным проводником Василисы в этом новом мире.

— Мне приснился сон, — повторила Василиса, тщательно подбирая слова, — что я была в другом мире и... звали меня иначе. И мир был совсем другой, не похожий на этот. Он был полон магии, дремучих лесов и чудищ...

Василиса рассказывала о своей жизни так, будто это была жизнь совершенно другого, практически незнакомого человека. Словно давно забытое воспоминание, древняя сказка или легенда о девушке, сбежавшей из дома, чтобы стать Вороном — могучей чародейкой, защищающей людей от напастей. О девушке, которая храбро сражалась с нечистью, отыскивала добрых друзей и дала обещание самой богине смерти Морене, чтобы спасти дорогого человека. О девушке, что сразилась с самым сильным чародеем всех времён, пала, но выжила, невольно

22 спасённая древним заклятием и силой магического Источника.

Василиса рассказывала свою историю, и по щекам её текли слёзы. Она не плакала, нет, говорила спокойно, даже отстранённо, но слёзы всё текли и текли, и чародейка никак не могла их остановить.

— Значит, теперь по закону жанра этой чародейке предстоит вернуться домой? — спросила Дина, когда Василиса замолчала.

За окном расцветал рассвет. Она и не заметила, что проговорила всю ночь напролёт.

— Но это невозможно, потому что в мире, в который она попала, нет магии, — покачала головой Василиса. Дина не смеялась, не осуждала и не обвиняла Василису, говорила спокойно и серьёзно, и Василиса немного расслабилась.

— Но Морена дала ей волшебный клубок, — напомнила Дина. — Тот, помнишь? Который привёл её в пещеру к Белогору.

Василиса усмехнулась:

— Говорю же, в новом мире нет магии, и, сколько бы чародейка ни бросала клубок, сколько бы ни молилась и ни призывала чары, клубок не двигался. В этом мире он был не более чем мотком красных ниток.

Она украдкой покосилась на прикроватную тумбочку, в которой лежал бесполезный клубок.

— Так не должно быть. — Дина нахмурилась и завалилась на спину. Чёрные кудри разметались по одеялу. — Когда главный герой завершает свой путь и побеждает чудище, он должен вернуться домой. По законам сторителлинга.

По законам чего? Значение этого слова разум Василисе отчего-то подкидывать отказывался. Дина заметила озадаченное лицо Василисы и пояснила:

— Ну, как в сказках. Нужно не только победить чудище, но и вернуться, иначе история будет неполной.

— Только вот жизнь не сказка, — хмыкнула Василиса и тут же поправилась: — И сны тоже.

Дина помолчала, разглядывая длинную изломанную трещину на белом потолке.

— Я, конечно, ещё не дипломированный психолог, но попробую предположить, что этот сон — пока ты была в коме — казался тебе таким реальным, что ты теперь проецируешь образ этой девушки на себя. Вы вроде как слились. И теперь ты грустишь, потому что её история не получила логического завершения.

— Ну, вроде того. — Василиса понадеялась, что поняла хотя бы половину из сказанного верно.

— Тогда всё просто! — Дина хлопнула в ладоши и села. — Давай вернём её домой?

Василиса не сдержала смехок:

— И как же мы это сделаем?

Дина скрестила ноги, выпрямилась и положила ладони на острые коленки.

— Закрой глаза, — скомандовала она.

Василиса послушалась. На мгновение ей показалось, что, возможно, Дина знает какой-то секрет этого мира...

— Представь себя этой девушкой, как она открывает портал посреди этой комнаты наподобие того, что был в лесу, как заходит...

— Это не сработает! — оборвала её Василиса, вдруг разозлившись, словно её жестоко обманули.

— Да ты попробуй!

— Не буду я, потому что знаю, что это не работает.

Дина закатила глаза и разочарованно засопела.

— Конечно, куда вам, технарям, до мысленных экспериментов, — проворчала она. — Вам подавай всё, чтобы ручками потрогать. Ладно, давай потвоему.

У Василисы уже не было желания ни в чём участвовать, но перебивать она не стала.

— Как бы чародейка могла вернуться домой, если бы магия в новом мире всё же была?

— Но её там нет!

— Ну, ты, блин, представь! Не заморачивайся условностями, просто ответь на вопрос.

— Ну, бросила бы клубок и попросила отвести домой! — в тон ей ответила Василиса.

— А если клубок всё ещё не работает?

Василиса задумалась. Пыталась подбирать варианты, но ничего толкового не приходило ей в голову. Если бы чародеи умели так просто путешествовать между мирами, то Белогору бы не понадобилось убивать столько людей, чтобы открыть хотя бы щёлочку. Хотя... Тут Василиса вспомнила о теории взаимных притяжений. Не то чтобы вспомнила — так, обрывки лекций наставника, которые она слушала вполуха. Как же там было? Подобное притягивает подобное, и чем дальше магические частицы одного порядка удаляются друг от друга, тем сильнее их друг к другу притягивает. Она вспомнила, как однажды Кирши поделился с ней своей силой и как эта сила после стремилась вернуться к нему, как она собиралась под кожей и колола кончики пальцев, чувствуя близость законного хозяина. А что, если...

Что, если Беремиру так сложно было открыть проход между мирами, потому что он хотел доставить в наш мир чужеродный объект? Что, если Василиса, которая не принадлежит этому миру, смо-

жет каким-то образом притянуться к своему? Если это притяжение существует... 25

Недостаток знаний и опыта не позволял Василисе углубиться в размышления, но она решила выдать хотя бы что-то, что, возможно, хоть как-то могло сработать.

— Чародейка попыталась бы отыскать Источник магии, потому что это...

— Точка соприкосновения двух миров! — подхватила Дина. — Да! Мне очень понравилась эта концепция из твоего сна. Отлично! И как же выглядит такой Источник? Если мы предполагаем, что магия в мире, где оказалась чародейка, не ощущается, можно ли распознать Источник как-то иначе?

В голове сам собой зазвучал голос Кириши: «Поздней осенью, когда северное сияние особенно яркое, в небе над тундрой можно увидеть отражение другого мира. В зелёном сиянии можно разглядеть горы и каменные башни, до которых никогда никому не добраться».

— В некоторых Источниках отпечатывается отражение другого мира, — протянула Василиса неуверенно. — Изображения, звуки, необычные цвета...

Дина кивнула и зарылась в смартфон. Пальцы молниеносно застучали по экрану. Она даже язык высунула от усердия. Хмурилась, бормотала что-то и снова стучала по экрану. Василиса терпеливо ждала.

— Как Китеж-град, например? — Дина ткнула в Василису смартфоном.

Василиса недоумённо уставилась на экран.

— Ну, да, куда уж нам историю учить, — скривила розовые губы Дина и принялась объяснять, активно жестикулируя: — По легенде, в каком-то там озере, погоди, загуглю... ага, вот! Озеро Светлояр. По легенде, в нём есть целый город, и можно даже

26 слышать звон колоколов из-под воды. Это сойдёт за Источник?

Василиса неуверенно кивнула. Неужели в этом мире тоже есть Источники магии? На горизонте замаячила искорка надежды. И у Василисы перехватило дыхание.

– Прекрасно! – Дина увлечённо тыкала пальцами в экран смартфона. – Значит, в ближайшие выходные мы едем на озеро Светлояр возвращать твою чародейку домой. И не спорь! Я уже покупаю билеты. И если всё получится, я по твоему случаю научную статью напишу.

Дина соскочила с кровати, рассеянно клюнула Василису в щёку, не отрываясь от экрана.

– Люблю тебя.

Она, конечно, имела в виду Светлану, но Василиса всё равно ощутила тепло благодарности за эту любовь.

3

СНЕГ НА ВОЛЧЬИХ ЛАПАХ

Атли расхаживал по кабинету из угла в угол и подбрасывал на ладони капитанскую брошь — серебряного ворона на полумесяце.

В кресле у стола сидела Аньяна и терпеливо наблюдала за его метаниями. На ней был белый Журавлиный кафтан, а на шее висел кулон с летящим журавлём — знак того, что теперь она была капитаном.

— Тебе нужно успокоиться, — сказала она мягко. — Всё не так уж и плохо.

Атли остановился и попытался натянуть вежливую улыбку, но получилась скорее вымученная гримаса. Он уже не помнил, когда спал в последний раз.

— Неплохо? — проговорил он как можно спокойнее. — Из всех капитанов только Белавя позаботилась о будущем и оставила преемницу. Остальные, видимо, считали, что жить будут вечно.

— Вот видишь, — голос Аньяны стал ещё мягче и ласковее. — Нас уже двое. И я на твоей стороне. Ты возьмёшь на себя обязанности командующего

28 Гвардией и сможешь назначить новых капитанов Воронов и Соколов.

— Исключено. — Атли сделал ещё несколько шагов туда-сюда и обессиленно рухнул в кресло. — Я не могу стать командующим.

— Но почему? Ты единственный, кто подходит на эту роль. Действующий капитан...

— Потому что я принц другого государства, Аньяна, — поморщился Атли, словно она не понимала очевидных вещей.

— И? Все в Гвардии знают, что ты верен...

— Дело не в Гвардии. — Атли потёр лицо, шумно выдыхая. — Дело в царе и в Совете Чародеев. Они сочтут это попыткой вмешательства в дела Вольского Царства и просто так не оставят. Кроме того, я связан с отцом. Он вожак стаи, а это сильнее любых клятв.

— Думаешь, король Вегейр тоже попытается вмешаться в дела Гвардии?

— Вряд ли, но для Радомира и Драгана уже одного существования этой связи будет достаточно, чтобы выступить против моего назначения. И они будут совершенно правы.

Аньяна замолчала. А Атли откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Голова гудела, истощённый мозг с таким трудом ворочал мысли, будто это были трёхсотпудовые булыжники. Вольская Гвардия расплзалась под пальцами, как гнилые нити в обветшавшей ткани. С одной стороны, Атли пытался собрать растерянных и напуганных потерей командиров гвардейцев и хоть как-то организовать их работу. С другой стороны, он пытался решить проблему с Советом Чародеев, который коршуном нависал над Гвардией и требовал немедленно назначить новых капитанов и главнокомандующего, наседая на то, что без командиров Гвардия, а зна-

чит, Совет и всё Вольское Царство под угрозой. И, конечно, предлагали — почти требовали — назначить на эти роли своих выдвиненцев — чароде-ев из Совета, упирая на то, что погибшие команди-ры не оставили за собой преемников.

Царь пока отмалчивался, предпочитая встречам с Советом и Атли общество вина и мёда. Сколько ещё он собирался топить своё горе в вине, Атли не знал, но ожидал, что рано или поздно такая прыть Совета начнет беспокоить даже непросыхающего Радомира и он тоже насыдет на Атли, заявив, что если в Гвардию войдут представители Совета, то представители царя обязательно должны контролировать ситуацию и тоже занять руководящие должности соответствующего порядка.

Атли как мог пытался держать Совет в узде, неделями откладывая принятие решения и перенося встречи в попытке придумать, как же сохранить Гвардию независимой. Он ссылался на поиски завещаний капитанов и отбор собственных кандида-тов, на необходимость отладить работу и дожидаться завершения траура по погибшим. Но откладывать бесконечно было невозможно, и Атли чувствовал, что уже достиг предела возможных отговорок.

Нужно было что-то решать как можно скорее и при этом постараться оставить с носом и царя, и Совет. Если Гвардию втянут в политические игры, последнее, чем будут заниматься гвардей-цы — защищать людей от нечисти.

— Хорошо, если ты не можешь быть командую-щим, — голос Аньяны выдернул Атли из тревожных мыслей, — давай подумаем, кому ты доверишь до-статочно, чтобы он занял это место. Мы не можем позволить Совету запустить свои лапы к нам в дом.

Атли приоткрыл глаза и посмотрел на Аньяну. Она выглядела серьезной и собранной, щёки рас-

30 краснелись, брови сошлись на переносице, взгляд решительный и дерзкий.

— Это можешь быть ты, — вдруг сказал Атли.

Аньяна, собиравшаяся что-то сказать, осеклась и непонимающе уставилась на него.

— Я?

— Кроме меня, только ты можешь занять это место как преемница Белавы.

Аньяна рассмеялась:

— Ты с ума сошёл? Мне девятнадцать! И я пробыла капитаном Журавлей — сколько — неделю? Совет нас засмеёт. Нам нужен кто-то более опытный, более внушительный и желательнее воин, а не целитель.

Атли был согласен с каждым её словом, но другого выхода не видел.

— Арград был твоим ровесником, когда возглавил Гвардию. И только тебя у нас есть шанс отстоять — по уставу, сейчас ты единственный законный вариант после меня. Я откажусь от своего места и поддержу твою кандидатуру. А ты назначишь других капитанов. Совет будет в бешенстве, но, я надеюсь, он не пойдёт против устава. По крайней мере, пока что он пытается делать вид, что правила и уставы его очень заботят.

Аньяна выдохнула, вся обмякла и растеклась по креслу — такого поворота событий она явно не ожидала.

— Я не смогу, — слабо проговорила она, глядя себе в колени. — Я и с ролью капитана-то не уверена, что справлюсь.

— Ты будешь не одна, — пообещал Атли, впервые за несколько недель чувствуя прилив сил и с каждым мгновением всё больше утверждаясь в своём решении. Они справятся — должны справиться, придётся справиться. У них просто нет другого выбора.

Аньяна зашла в Царские Палаты не через резные двери с изображением грозных медведей, а через скромную, почти незаметную дверь для прислуги. Её отец Ратибор — царский воевода — встретил дочь в тени старой кухни. Он занимал почти всё пространство у двери, подпирая одним плечом кухонный шкаф, а другим — дверной косяк, и нервно переминался с ноги на ногу, то и дело оглядываясь по сторонам. Карие глаза над бурой бородой поблескивали в тусклом свете из запыленного окна.

— Почему так долго? — прошептал он, но его низкий голос всё равно эхом пронёсся по кухне.

— Атли вызвал меня к себе, — тихо ответила Аньяна, мгновенно проникаясь нервозностью отца. — Не могла же я сказать капитану, что зайду попозже.

— Ты теперь тоже капитан.

— Вот именно, — зашипела Аньяна. — И Царские Палаты — последнее место, где мне стоит находиться. Если Атли или Совет узнают, чем я тут занимаюсь, то мне несдобровать...

— Если кто-то из Совета или придворных увидит царя, то нам всем несдобровать, — в тон ей ответил Ратибор.

Они вышли в узкий коридор и направились в сторону царских покоев, что располагались на верхнем этаже терема. Ратибор вёл Аньяну по коридорам прислуги, которые практически пустовали в этот час. Всего раз или два им встретились служанки с бельём, и каждый раз, проходя мимо, Аньяна опускала голову, надеясь, что тень и простое серое платье не позволят её узнать.

— Это в последний раз, слышишь? — шепнула она в спину отцу, когда они вышли на спрятанную

32 от посторонних глаз лестницу. — Скорее всего, я стану новым главнокомандующим. И тебе придётся справляться самому.

Ратибор остановился и резко развернулся к дочери, так быстро, что Аньяна едва не налетела на него. Он схватил дочь за плечи и расплылся в широкой улыбке.

— Моя малышка возглавит Гвардию? — пробасил он, и глаза его радостно заблестели.

— Тише! — пискнула Аньяна, оглядываясь по сторонам в поисках лишних ушей.

— Я так тобой горжусь, дочь! — Отец хлопнул Аньяну по спине, и из той от удара чуть не вышибло дух. — Мама и сестрёнка будут в восторге.

Аньяна погрузилась в размышления:

— Пап, ты же понимаешь, что это не значит, что Гвардия встанет на сторону царя...

Улыбку Ратибора как ветром сдуло, взгляд стал колким и серьёзным.

— Поговорим об этом позже, — сказал он и, развернувшись, двинулся дальше.

— Нам не о чем говорить. Гвардия независима...

— Ты ещё слишком молода и не понимаешь, — оборвал её Ратибор. — Ты не знаешь, сколько у нас врагов, какие опасности ждут царя, а значит, Гвардию и весь народ. Один Драган с его шайкой чародеев чего стоит. Пока вы с Атли играете в игры...

Аньяна закусила губу и бесшумно вздохнула. Вот так всегда. С тех пор как она вступила в Гвардию, ещё ребёнком, отец не умолкая повторял, что Гвардия нужна царю для защиты. Тогда соседние Ранта, Атаррат и кочевники из Чёрной Пустыни, что регулярно совершали набеги на южную границу Вольского Царства, не посмеют даже взглянуть в сторону наших земель.

«И Совет будет ходить по струнке и наконец выполнять то, что велит царь, а не что взбредёт ему в голову», — любил повторять он.

Аньяна слушала отца вполуха, на её сторону встала мать — она была когда-то Соколом, но покинула службу после рождения второй дочери. Она, как и Аньяна, выступала за независимость Гвардии, отчего нередко ссорилась с отцом.

— Дочь, ты должна понять, что царю... — начал было Ратибор.

— Царю надо меньше пить! — не выдержала Аньяна. — И тогда мне не придётся тайно сбегать из гарнизона, чтобы вылечить ему похмелье.

Ратибор замолчал.

— Я помогаю ему только потому, что ты об этом просишь. Но о большем, умоляю, не проси меня. Все вокруг думают, что он запил из-за невесты, но мы-то с тобой знаем, сколько лет я помогала тебе скрывать его любовь к бутылке. Просто сейчас скрывать уже больше не выходит. Рано или поздно это должно было случиться.

— Мы не можем, придворные...

— Я не могу. Атли мне доверяет, мне нужно заслужить доверие гвардейцев. Я выбираю Гвардию, отец.

— Ты совершаешь ошибку, — только и сказал Ратибор с горечью и толкнул дверь в царские покои.

Приближённые царя знали, что выпивка стала лучшим другом Радомира ещё много лет назад, после смерти жены, которая отдала Морене душу сразу после рождения Дарена. Но если раньше он редко напивался до беспамьятства и легко сохранял образ надёжного и сильного правителя, то в последнее время царь принялся пить не просыхая. Возможно, дело и правда было в сбежавшей невесте, появившейся из ниоткуда и исчезнувшей

34 в никуда — тёмная история, подробности которой знали разве что царевич Дарен и сам царь, но рассказывать их никому не торопились. Злые языки поговаривали, что невеста та была ведьмой и опоила царя приворотным зельем. Так это или нет, Аньяна не знала, но с тех пор, как невеста исчезла, Радомир всё чаще стал напиваться вусмерть.

Вот и в этот раз посреди спальни, среди золотых сундуков, покрывал и подушек, на шерстяном ковре возле кровати лежал царь Радомир. В нос ударил резкий запах мочи и вина, и Аньяна поморщилась, прикладывая к лицу надушенный рукав платья. Под царём, словно кровавое пятно, растеклось из бурдюка вино, а он так и заснул — лицом в луже. Золотой обруч съехал со лба. Поверх чёрного платья на царе лежала, обнимая лапами, бурая медвежья шкура.

— Это что-то новое. — Аньяна прошла в комнату и присела на корточки рядом с телом.

Ратибор выглянул напоследок в коридор и плотно закрыл двери в покои.

— У тебя мало времени. С минуты на минуту на аудиенцию должен прийти Драган.

Аньяна напряглась:

— Что ему нужно?

— Не знаю. Поторапливайся.

Аньяна цокнула языком, стащила с царя медвежью шкуру и с трудом перевернула его на спину. Радомир недовольно заворчал, попытался оттолкнуть её, но промахнулся, и рука безвольно упала на ковёр.

— Он обмочился. Новое платье найди ему, — бросила Аньяна отцу, а сама полезла в рукав за снадьем.

Ратибор выругался, но послушно пошёл к ближайшему сундуку.

– Так плохо ещё не было, – сказал он.

– Будет хуже, если не найдёшь способ уговорить его бросить.

– А ты не можешь? Этими своими чарами.

– Мы это обсуждали, чары не всеильны. Нужно, чтобы Радомир остановился сам.

– Или ты просто не хочешь? На радость своему Атли.

Аньяна ничего не ответила. Не видела смысла спорить, знала, что отец просто на взводе и оттого говорит ей неприятные вещи, чтобы самому было не так тревожно и страшно. А ему было страшно. Слишком много сражений прошёл – ещё юнцом воевал с кочевниками – и теперь за каждым углом видел врага. Возможно, и её скоро ждёт то же самое.

Аньяна влила в рот царю горький отвар, и он закашлялся. Положила руку на холодный от пота лоб и прошептала заклинание.

– Скоро его вырвет, и ему станет лучше. Но отвары уже помогают гораздо хуже, так что я не знаю, насколько свеж и бодр он в итоге будет. С остальным, надеюсь, справишься сам? Мне пора возвращаться.

Ратибор кивнул. Он уже держал в руках чистое платье. Аньяна поднялась на ноги и быстрым шагом направилась к двери. Она не нашла в себе сил попрощаться с отцом, ей было противно. От царя, от отца и от самой себя.

Аньяне отчаянно хотелось сбежать. Уехать подалее, не становиться главнокомандующим, не принимать ответственность, не биться за независимость Гвардии, не сражаться с собственным отцом. Она знала, что это малодушно, что не этого от неё ждут, не такие надежды на неё возлагают. Она не могла подвести Атли, не могла подвести Белаву.

Аньяна села на лошадь и направилась в единственное место, где могла какое-то время не думать ни о чём, кроме облаков на небе.

Голая ива посреди заснеженного поля. Ива — маленькое убежище, — под которой они ещё детьми с царевичем Дареном проводили дни, прячась в высокой траве, представляя, что они не дома, а где-то далеко-далеко, там, где могут выбирать своё будущее. Аньяна в детских мечтах была капитаном Журавлей, а Дарен — Вороном. Аньяне повезло, своё будущее в итоге она выбрала сама. По крайней мере, так ей хотелось думать. Дарену же повезло меньше — Вороном он так и не стал.

Сегодня у ивы не было пусто. Аньяна узнала белого коня с красной попоной — он принадлежал царевичу.

— Не ожидал, что ты придёшь. — Дарен поприветствовал Аньяну доброй улыбкой. Он сидел под ивой на седле, на коленях у него лежала книга.

— Давно мы тут не встречались, — улыбнулась в ответ Аньяна. И по примеру Дарена принялась стаскивать седло со своей серой в яблоках кобылы.

Дарен отложил книгу и помог Аньяне справиться с ремнями и установить седло рядом со своим. Они сели рядом, и Аньяна прильнула к тёплому боку друга. Дарен снова взял книгу и зашуршал страницами. Им не нужно было разговаривать. Они могли бы сидеть так часами. Дарен бы читал книгу, а Аньяна наблюдала бы за облаками, изредка отвлекаясь, чтобы обменяться впечатлениями. Но сегодня Дарен нарушил молчание.

— Как мой отец? — спросил он.

— Не понимаю, о чём ты, — грустно ответила Аньяна.

— Хорошо, — без обид отозвался Дарен и вернулся к чтению. — Он вчера нацепил медвежью шкуру и убеждал служанку, что он Велес. Ратибор дал ей денег за молчание. Но люди, наверное, уже болтают.

— Что читаешь? — Аньяна постаралась уйти от неприятной темы. Меньше всего сейчас ей хотелось думать о царе.

— Сказки. — Дарен смутился. — Если не хочешь разговаривать, могу почитать вслух.

— Почитай, пожалуйста. — Аньяна закрыла глаза и положила голову на плечо царевичу.

Дарен откашлялся, сел ровнее, чтобы Аньяне было удобнее, и начал читать:

«Давным-давно, когда ещё пела свои песни птица Нагай, жили-были брат и сестра, не родные, но названные. Богатырь и богатырша, что вместе бились с чудищами, и равных по силе и храбрости им было не сыскать. Звали их Хорив и Марья. Двое тех, от кого начался род царей Вольских и королей Северных.

Марья была родной дочерью самого бога Велеса, а Хорив — обычным смертным. Умела она обращаться в медведицу и в волчицу, оттого как дар этот передался ей от отца, и была верным спутником другу своему Хориву. Не раз выручали они друг друга, но сражались однажды с Аспидом лютым, да сложил в битве той Хорив голову.

Опечалилась тогда Марья и пожелала друга своего вернуть. Рассекла мечом своим врата Нави и отправилась искать его в Полях мёртвых.

Морена, узнав о таком вторжении, явилась к Марье и велела немедленно покинуть царство её подземное. Воспротивилась Марья и сказала, что без друга своего не уйдёт. Да пригрозила Морене мечом своим, что мог даже бога сразить.

— Что ж, так и быть, — сказала тогда Морена. — Потому как дочь ты брата моего. Выполни три моих условия, и верну я тебе друга твоего. Да только ни тебе, ни ему прежними не быть.

— Ставь свои условия! — храбро согласилась Марья.

— Друг твой Хорив смертный, а от того вернуться в мир живых сможет он, лишь напитавшись божественной силой. Готова ли ты отдать половину себя, чтобы он жил? Станешь ты слабее, и смогут тебя сразить вороги. Готова ли ты к тому?

— Готова, — не усомнившись, ответила Марья.

— Для того придётся отдать тебе ему свою звериную суть. Волка ли, медведя ли — решать тебе. Но друг твой Хорив сумеет вернуться в мир лишь в зверином обличии. Будет жить он, но никогда не быть ему больше человеком. Готова ли ты к тому?

Засомневалась Марья, но ответила:

— Готова. Пусть друг мой волком будет подле меня, а коли решит уйти, то по своей воле.

— И ни один из вас после смерти не ступит в моё царство. Потому как за такое вторжение не приму я вас боле. Исчезнете вы оба во тьме и прахом ляжете среди звёзд. Готова ли ты к тому?

— Готова, — ответила Марья.

Тогда взмахнула Морена своим серпом. И отсекала часть Марьиной души. Взмахнула второй раз — и появился подле Марьи огромный волк с глазами доброго друга её. Взмахнула третий — и покинули они Поля Нави.

Много лет ещё жили они бок о бок, спасали друг друга в битвах и делили пищу и кров. А когда Марье пришло время сложить голову, покинул Хорив те края и пустился на север, где и нашёл своё пристанище. С тех пор зовут его Великим Волком...»

Дарен продолжал читать. Голос его успокаивал, убаюкивал, возвращая Аньяну в детство, туда, где у них не было никаких забот. Туда, где они ещё могли быть самими собой.

* * *

Как закончилась встреча с Аньяной и как он добрался до ближайшего леса, Атли не помнил. За недели, проведённые без сна, но в постоянной напряжённой работе, ему приходилось торговаться не только с Советом и царём, но и с Волком, которого Атли не выпускал на волю с битвы в Тёмных Лесах. Волк изголодался по охоте, пахнущему мхом и влагой лесу и отчаянно желал размять лапы. Контролировать зверя с каждым днём становилось всё сложнее, и если бы Атли ночами позволял себе что-то больше неглубокой дрёмы, то наверняка перекинулся бы прямо во сне, и Волк, подавив человеческую волю, перепугал бы до смерти половину Даргорода. Опасаясь такого исхода, Атли даже попросил Аньяну сварить успокоительный отвар из ромашки, мяты и северных трав. Такое зелье частенько давали оборотням-подросткам, которые в силу буйной в этом возрасте крови не всегда могли контролировать превращения.

С отвара Атли не слезал, но и он уже практически не помогал – Волк рвался, злился и рычал, скаля зубы и угрожая в один прекрасный день подчинить Атли своей звериной воле.

Но теперь, когда перед Атли забрезжил призрачный свет решения проблем Гвардии, он нашёл наконец время позволить Волку порезвиться. Возможно, он даже отпустит поводья и разрешит Волку насладиться полной свободой.

40 Лес, что лежал всего в часе езды верхом от Даргорода, обычно был полон сочной дичи — Волк останется доволен.

Атли выбрал самую заснеженную тропку и подбодрил лошадь, стукнув пятками. Нужно забраться как можно глубже в чащу, чтобы случайно не наткнуться на людей. Если он хочет дать Волку волю, лучше не рисковать.

Вечернее солнце запускало рыжие лучи в прорехи чёрных стволов дубов, ясеней и вязов, путалось в поседевшей хвое елей и сосен и хаотичным рисунком растекалось по снежной глади.

Чем глубже Атли забирался в чащу, тем зыбче и слабее становился солнечный свет и тем плотнее смыкались за его спиной деревья и кустарники. Наконец Атли спешился и огляделся — со всех сторон его обступали высокие деревья, наверное, самые старые в этом лесу.

Волк внутри нетерпеливо поскуливал.

Атли разделся и аккуратно сложил вещи в седельную сумку. Кожа тут же покрылась мурашками, и приходилось то и дело переминаясь с ноги на ногу, чтобы ступни не так сильно ныли от холода. Атли выпрямился, размял шею, расправил плечи, сжал и разжал кулаки. Быстро выдохнул облачко пара и закрыл глаза.

Тело его содрогнулось, мышцы резко сократились, вызывая приятную истому внизу живота. С ног до головы по коже промчалась лёгкая щекотка, и в следующий миг на снег опустились серые волчьи лапы.

Волк огляделся по сторонам, втянул влажным носом холодный воздух и переступил с ноги на ногу, словно пробуя, насколько прочен снег.

Мир стал острее, ярче. А ещё лес пронизывал десятки запахов, осязаемых и чётких. Они раз-

ноцветными полупрозрачными лентами струились между деревьями, стелились по земле и вились в воздухе, сообщая Волку, кто и когда бродил по этой чаще, где протекал ближайший ручей, а где, если хорошенько раскопать снег, можно отыскать сладкую красную ягоду.

Но прежде — сбить с себя человеческий запах. Волк повалился на спину и принялся кататься по снегу. Лошадь обеспокоенно попятилась, но сброшенная на ветку узда не позволила ей сделать больше пары шагов.

Волк вывалил язык и завозился с удвоенной силой, как можно глубже зарываясь в мягкий, пушистый снег. Всё его существо переполняла бурная звериная радость.

Вскочив на ноги, Волк отряхнулся и сорвался с места. Он нёсся сквозь чаще на пределе возможностей. Наконец. Наконец он ощущал тягучее напряжение в мышцах, и ветер, что путался в шерсти, ловил окружающие запахи и звуки. Наконец он чувствовал мир полностью, по-настоящему, чуял и осязал всю его суть, а не те жалкие обрывки реальности, что были доступны ему в человеческом облике.

Лапы утопали в снегу, и приходилось подпрыгивать, вздымая белоснежные зыбкие волны и распутивая синиц. Свобода. Счастье. Свобода. Жизнь. Воля. Волк не знал всех этих слов, но чувствовал. Ему не нужны были слова, чтобы понимать, кто он, чтобы придавать себе смысл. Самого его существования уже хватало. Он был един с миром, был его частью, он и *был* миром. И это первобытное, неразрушимое единство становилось его силой, его счастьем и его свободой.

Атли завидовал этой волчьей способности ощущать себя счастливым и свободным, даже будучи

42 большую часть времени запертым в человеческом теле. Возможно, дело было в том, что для Волка не существовало ни прошлого, ни будущего, только одно вечное, всепоглощающе прекрасное «сейчас». Сейчас, пока его лапы взрывают снег, пока ветер свистит в ушах, пока мышцы работают на пределе возможностей – всё остальное не важно. Момент, настоящее, миг – вот она жизнь, и, кроме этого мига, не существует больше ничего, не существовало и не будет существовать. По крайней мере, так думал Волк.

Хрустнула ветка, и Волк вскинулся, навострил уши и принюхался. Запах травы, шерсти и мускуса. Пасть наполнилась слюной, Волк замер, ожидая реакции Атли, но тот отступил в тень, позволяя золоту сознания Волка заполнить всё доступное пространство и решать самому.

Волк бесшумно двинулся навстречу запаху, туда, откуда доносился шум воды. Лапы мягко ступали на снег, обходили веточки и препятствия, не оставляя добыче и шанса услышать приближение хищника.

У ручья пил воду упитанный олень. Он ещё не успел исхудать, и круглые коричневые бока с подпалинами выглядели крайне аппетитно. Огромные ветвистые рога почти касались воды, уши беспокойно стригли воздух.

Волк замер и медленно приблизился, заходя к оленю сзади и стараясь ступать как можно тише. Это оказалось сложно, учитывая, что размером он не уступал своей добыче. Но олень был слишком поглощён утолением жажды, чтобы заметить его приближение. Ещё несколько шагов...

«Прыгай, достанешь», – подумал Атли, но Волк только дёрнул ухом, отмахиваясь от него.

Шаг. Ещё один. Приготовиться. Опустить голову. Прижать уши.

Олень вскинул голову, но слишком поздно.

Волк прыгнул. Мощные челюсти сомкнулись на незащитной шее, и они вместе покатались по снегу.

Олень не издал ни звука, когда огромные лапы прижали его к земле, а зубы вырвали трахею.

Снег окрасился красным. А Волк, как и полагается волку, принялся утолять голод, делясь своей радостью и звериным счастьем с Атли. Хотел бы и Атли, чтобы в его жизни всё было так понятно и просто.

* * *

Когда Атли вернулся в гарнизон, в кабинете его уже ждали. У дверей стоял царский стражник. Он поклонился и открыл дверь.

Царевич Дарен развалился в кресле у стола и лениво листал книгу. Русые волны волос закрывали уши и часть лица, губы едва заметно шевелились, проговаривая написанное на странице. Ноги в высоких сапогах он вытянул и забросил одну на другую. Альый, подбитый мехом плащ небрежно лежал на спинке кресла. Заслышав Атли, Дарен вскинул голову, зелёные глаза его сверкнули в свете свечей, а губы изогнулись в приветливой улыбке. Взгляд скользнул по лицу Атли, и тот тряхнул головой — в зеркало он не смотрелся, но подозревал, что после нескольких часов в лесной чаще успел знатно перемазаться и меньше всего сейчас походил на принца и капитана Гвардии. Но всё же Атли открылся в ответной улыбке — Дарену он всегда был рад.

— Здравствуй, братец! — воскликнул Дарен, и глаза его засветились восхищением и завистью. — Никак бегал по лесу волком?

44 — Хочешь в следующий раз пойти со мной? — Атли прошёл за стол и опустился в кресло у окна.

Дарен рассмеялся как мальчишка.

— Не оставляешь попыток сделать из меня оборотня? — подмигнул он, достал из рукава шёлковый платок и постучал себя пальцем по левой щеке. — Вот, держи, у тебя кровь.

Атли потёр платком щёку, и белый шёлк окрасился в красный. Шутливого настроения Дарена Атли не разделял, наоборот, сделался серьёзным. Волки не любят шуток, не с ними.

— Пусть ваш род и потерял способность обращаться в медведей, — сказал он, — но Волк должен быть где-то внутри. Кровь не обманешь.

Атли замолчал и выжидающе уставился на Дарена. Мать царевича — принцесса Сольвейг — была оборотнем, Волчицей, сестрой самого короля Вегейра, и Атли ни за что не поверит, что её способности не передались их с Радомиром сыну.

Дарен снова запрокинул голову на спинку кресла и шумно выдохнул. Лицо его одновременно выражало досаду и надежду.

— Как бы я хотел, чтобы это было правдой, Атли, — протянул он, глядя в потолок. — Но, боюсь, мои предки так ненавидели магию, что сначала Велес отобрал у нас медведей, а теперь и ваш Великий Волк побрезговал иметь со мной дело.

Он потёр лицо руками, вздохнул и встрепенулся, будто стряхивая с себя мысли.

— Но напомни, братец, мне вернуться к этому разговору, когда наши дела станут... попроще.

— Так ты ко мне по делу? Я уж думал, в кои-то веки поболтать заглянул, — мрачно пошутил Атли, убирая платок Дарена в карман. — Как отец?

— Уже неделю не просыхает. Никогда его таким не видел. Иронично, что он всю свою жизнь ни во

что не ставил женщин, но теперь не может взять себя в руки из-за одной из них.

— Будем честны, ты ему добавил сверху. — Атли склонил голову набок. — Закрутив с Рогнедой.

Дарен смутился, щёки вспыхнули стыдливым румянцем.

— Ты знаешь, что всё было не так просто, Атли. И что я бы никогда не прикоснулся к ней, если бы не... — Дарен осёкся и посмотрел в сторону, а Волк внутри Атли почувствовал горький, похожий на полынь запах вины. — Если бы ты знал, братец...

— Я знаю, что сделал тебе огромное одолжение, не отправив её на плаху, Дарен.

— Ты ещё не нашёл Финиста? — спросил Дарен, и его слова больно укололи Атли.

Финист — продажный Сокол, вор и убийца, успевший, помимо всего прочего, за мешочек золота покуситься на жизнь царской невесты и, когда правда всплыла наружу, сбежавший, воспользовавшись неразберихой в Гвардии. Что ж, такие ублюдки встречались даже в Вольской Гвардии. Атли должен был поймать его, арестовать и публично казнить, но и думать забыл об этом деле под валом других проблем.

— Дарен... — начал было он.

— Он хладнокровно убил её, Атли! Вогнал нож под рёбра и сбежал как ни в чём не бывало. И ты бы даже не узнал об этом, если бы не я. Нельзя спустить ему это с рук.

Атли тяжело вздохнул и потёр переносицу. Усталость, отступившая на несколько часов, навалилась на плечи с новой силой, отзываясь гулом в ушах.

— Я не спущу ему это с рук, обещаю. Я разослал письма с приказом о его аресте во все Дома Гвардии в Вольском Царстве. Если Финист рискнёт появиться где-то, где есть мои Вороны, то его тут же

46 схватят. Но, прошу, пойми: если Гвардия развалится, то ловить Финиста будет некому. И я уже ничего не смогу сделать. Поэтому, пожалуйста, дай мне время. Я прошу тебя как брата.

Дарен отвёл взгляд, поднялся на ноги, одёрнул кафтан и взял со спинки кресла плащ.

— Если тебе потребуется моя помощь, дай знать, — сказал он. — С Гвардией... Я попытаюсь поговорить с отцом.

— Как это ни прискорбно, — Атли тоже поднялся, — пока Радомир топит своё горе на дне бутылки, он не интересуется делами Гвардии. И меня это устраивает.

— Он ничем не интересуется. Двор уже всю сплетничает, а князя беспокоят. Я успокаиваю их как могу, но получается, если честно, не очень.

— Ты будущий царь. Научись. И всегда можешь рассчитывать на мою поддержку.

— Спасибо, братец. — Дарен коротко кивнул, набросил плащ и покинул кабинет.

Атли упал обратно в кресло и ещё несколько минут задумчиво смотрел на закрывшуюся за царевичем дверь.

4

ОСКОЛКИ ОЗЕРА СВЕТЛОЯР

Огромный железный змей под названием поезд проглотил Василису, и она, цепляясь за руку Дины и стараясь дышать спокойно, прошла глубже в его нутро, полное синих мягких сидений. От шума звенело в ушах, от ярких табличек рябило в глазах, а людей вокруг было столько, сколько Василиса никогда не видела даже на рынке в Даргороде, когда привозили свежую рыбу.

Дина потянула Василису в угол, прислонила к серым двустворчатым дверям с белой надписью «Не прислоняться» и встала перед ней, чтобы отеснить от остальных. Впрочем, поток людей тут же нахлынул и буквально вдавил Дину в Василису.

— Надо было покупать билеты на день, чтобы не угодить в утренний час пик. Всё равно отгул взяла, могли бы и выспаться, — виновато сказала Дина. — Ты как? Бледная чего-то.

Василиса сглотнула. Нужно успокоиться. Это просто люди, а это — просто их способ передвигаться. Обрывки памяти Светланы подсказывали ей, что это вполне себе обычное место, но созна-

48 ние Василисы вопило от ужаса и требовало у тела сбежать как можно дальше из этого громяющего подземелья, под завязку набитого людьми.

«Ты Ворон, — убеждала она себя. — Видела вещи и похуже. Дыши. Дыши».

Рука машинально скользнула к перстню Беремира, но на пальце было пусто. Конечно, пусто. Василиса зажмурилась и медленно выдохнула. Она разделалась с целой деревней волколаков, победила Лихо, пусть с натяжкой, но выстояла против самого могущественного чародея всех времён. Она справится. И без кольца, и без магии, и без Кириши.

— Всё хорошо, шумно очень. — Василиса растянула губы в улыбке. — Отвыкла от... этого.

— Прости, знаю, что ты не любишь метро, но побоялась, что на такси мы не доберёмся на вокзал вовремя по пробкам. Но я купила нам билеты в бизнес-класс, так что нас ждут четыре часа комфорта.

Василиса растерянно кивнула. Дина говорила быстро, и тело Светланы не успевало подкидывать чародейке значения всех слов, так что часть смысла ускользала и терялась, а слова превращались в набор отдалённо знакомых звуков.

Поезд выплюнул их на какой-то станции, а толпа понесла дальше, на улицу, к невысокому каменному зданию с башнями, мимо грозных мужиков в чёрном, которые тыкали в прохожих светящимися палками, и странных аппаратов, в которые люди забрасывали свои сумки. Дина шагала вперёд уверенно и спокойно, и Василиса старалась не уступать ей в уверенности, по крайней мере внешне.

Если Василиса — Ворон, то и вести себя должна как Ворон. Быть собранной, внимательной и осторожной. Сейчас она воин, оказавшийся на вражеской территории, наступил худший момент, о котором предупреждал Беремир. Без магии, без оружия

ей предстоит сложное задание: не только отыскать Источник, но и сделать то, чего раньше не делал ни один чародей — совершить путешествие между мирами.

Василиса сунула руку в карман зелёной куртки, проверяя, на месте ли клубок. Морена оставила его не просто так. Должно быть, клубок — это ключ, а богиня сейчас продолжает развлекаться, наблюдая за Василисой издалека.

Чародейка оглянулась, всматриваясь в серых людей с грустными лицами, спешащих мимо и не замечающих ничего вокруг. Морены, разумеется, среди них не было.

Кстати, сама богиня как-то же проходила между мирами. Конечно, на то она и богиня, что может больше обычных чародеев, но всё же, значит, такие переходы в принципе возможны. И если бы Василиса больше времени уделяла теоретической магии, то смогла бы сообразить, что делать.

Один поезд сменился следующим, Дина усадила Василису на широкое, обитое кожей сиденье, и Василиса с облегчением уставилась в спинку впереди стоящего кресла, радуясь, что оно и расположившаяся рядом Дина отгораживали её от галдящего вагона и взглядов, которые, казалось, все без исключения были направлены на неё.

Чтобы немного отвлечься, Василиса принялась разглядывать свои белые кроссовки на толстой подошве, пытаясь угадать, от чего эта диковинная и страшно уродливая обувь казалась ей такой удобной. От того ли, что нога Светланы к ней привыкла или, может, и Василисиной ноге это страшилище пришлось по душе? Вообще, люди в этом мире одевались странно, жили в странных домах, ели странную еду, всё здесь было настолько не похоже на её — Василисин — мир, что голова шла кругом.

50 Шумный, грязный, без остановки куда-то бегущий, он сводил с ума. И Василиса, глядя на проносящиеся за окном заснеженные деревья, молилась всем известным богам о том, чтобы те позволили ей вернуться домой.

Дина на соседнем кресле почти сразу заснула, подтянув колени к подбородку и опустив голову Василисе на плечо. А Василиса прокручивала в голове воспоминания Светланы, понимая, что их за время её пребывания в этом мире стало заметно меньше. Тень другой девушки, что, кажется, ещё томила в теле, медленно растворялась, уступая место воспоминаниям, которые хранила Василиса. И чародейка чувствовала себя виноватой за это вторжение, за то, что вот так просто отобрала чью-то жизнь, даже не подозревая этого, не выбирая сама и не дав выбора Светлане.

«А если бы я могла выбрать? — подумала Василиса. — Я бы решила умереть или занять чужое тело?»

Она думала и думала, но ответ не находился. Хотела бы сказать, что предпочла бы умереть, чтобы Светлана жила, но... не могла. И от этого чувствовала себя ещё паршивее. От этого и от того, что продолжала обманывать Дину, которая была к ней добра.

Василиса не заметила, как, согретая теплом Дины и убаюканная размеренным стуком колёс поезда, заснула, прислонившись лбом к холодному стеклу.

Ей снился Тёмный Лес. Дождь барабанил по лицу, а холодные капли стекали за шиворот. Над Василисой навис Белогор, глаза его горели красным, а в руках он держал серп. На острие серпа билось сердце.

Василиса схватилась за грудь, но наткнулась на раскороченные рёбра. Руки залило кровью.

— Верни, — прохрипела Василиса, протягивая руку к сердцу на серпе.

— Его хочешь? — Белогор стянул сердце с лезвия, и оно, обливаясь кровью, забилось быстрее. — Его тебе уже никогда не вернуть.

Сердце в его руке почернело и рассыпалось прахом. Василиса закричала и упала на колени, собирая ладонями пыль. Она собирала пригоршню за пригоршней и прикладывала к открытой ране в груди снова и снова, но пыль оставалась пылью и падала к её ногам.

— Ты убил меня! — закричала Василиса и ударила кулаками землю.

— Нет, девочка, я подарил тебе первый шрам.

Василиса вздрогнула и проснулась. Снова этот сон. Рубашка намочла и прилипла к спине и груди, кожа покрылась мурашками. На языке поселился металлический привкус, а губы пересохли. Василиса с силой потёрла глаза и плотнее укуталась в куртку, стараясь согреться.

— О, ты проснулась! — Дина, которая, похоже, уже давно не спала, вынырнула из смартфона. — Очень вовремя, мы почти приехали!

* * *

Такси оказалось ещё хуже поезда. Василису стошнило уже через двадцать минут поездки. Похоже, даже тело Светланы отказалось ей помочь с этой громыхающей железной телегой, которая неслась с огромной скоростью и при этом подпрыгивала на каждой кочке и выбоине.

Всю дорогу Василиса провела, высунув голову из окна в попытках вдохнуть весь свежий воздух и отогнать тошноту. Когда пытка наконец закончилась,

52 Дина едва ли не на себе вытащила Василису из машины, и чародейка ещё добрых пятнадцать минут сидела на замёрзшей лавке, опустив голову между коленями и стараясь прийти в себя.

Дина куда-то запропастилась, но уже скоро вернулась с бутылкой воды. Василиса жадно прильнула к горлышку.

— Сразу пойдём к озеру или хочешь отлежаться в номере? — спросила Дина, присев на корточки перед Василисой и прикладывая прохладную руку к её вспотевшему лбу. — Выглядишь жутко. Зелёная вся.

— Сразу. — Василиса оторвалась от бутылки. Она не собиралась откладывать возвращение домой ни на секунду. — Хочу скорее... покончить с этим.

Дина понимающе кивнула и положила руки Василисе на колени. Грубая джинсовая ткань нехотя пропускала её тепло.

«Так, ладно. Соберись, совсем скоро всё встанет на свои места», — убеждала себя Василиса.

Дина потянула её прочь с пустующей парковки в занесённую снегом березовую рощу, за которой темнело ещё не успевшее застыть озеро. Зеркальный диск сжимало плотное кольцо деревьев.

По берегу гуляли редкие люди: парочка размеренно шагала под ручку, мужчину в яркой зелёной шапке вела на поводке собака, трое мальчишек веселились, бросая в озеро камни, поодаль, у самой воды, сидели на маленьких стульчиках несколько рыбаков. Ничего не выдавало в озере Источника магии.

Василиса с Диной подошли к самому краю, и чародейка попыталась всмотреться в тёмные воды озера, разглядеть в них отражение другого мира, почувствовать магию, щекотку под кожей — хоть что-то. Но, похоже, это было просто озеро. Обыкновенное, холодное и безжизненное.

Василиса стиснула клубок в кармане, сжала зубы. Глаза защипало, а горечь разочарования комом встала в горле, мешая дышать. Надежда на возвращение домой рушилась, не успев обрести чёткие очертания.

— Свет, — рука Дины легла на её спину, — ты готова?

— К чему? — сдавленно спросила Василиса.

Дина скользнула по её лицу взглядом, полным заботы и беспокойства. А Василисе стало тошно.

— Вернуть чародейку домой, — ласково сказала Дина.

— Она не вернётся. — Василиса почувствовала, что злится. — Это не Источник, здесь нет другого мира и не звенят никакие колокола! Всё это враньё!

Гнев клокотал, бурлил, и раньше бы он выплеснулся в мир снопом искр или языками пламени, но не теперь — теперь он, запертый, пленённый, жёг грудную клетку и иглами колол лёгкие, причиняя Василисе почти физическую боль.

— Давай просто попробуем. — Дина продолжала мягко давить. — Что для этого нужно? Заклинание? Может быть, какое-то зелье? Тебе нужно...

— Ты не понимаешь! — взорвалась Василиса. — Боги, Дина, ты ничего не понимаешь! Я не она, ясно? Я не твоя Света или кто она там! Я, чубась его за ногу, заперта в этом чёртовом теле! В этом отвратительном мире! И я не знаю — можешь ты это понять, — не знаю, как вернуться домой!

Дина отступила на шаг, ошарашенно глядя на Василису. Кудри её разметал ветер, и лицо на их фоне казалось болезненно бледным. Василиса же жгла её взглядом и сжимала кулаки. Ногти впивались в ладони, а из горла рвался бессильный плач, но она сдерживала его, плотно стиснув зубы.

— Света, давай выдохнем и успокоимся...

— Ты глухая? Я не Света!

Тут уже не выдержала Дина. Щёки пошли пятнами, рот перекосило. Она сделала стремительный шаг к Василисе.

— Хватит! — крикнула она. — Думаешь, мне легко? Со всем этим! — Она неопределённо взмахнула руками вокруг Василисы. — Я забочусь о тебе как о ребёнке! Я терплю, что ты обращаешься со мной как с чужой! Даже с матерью твоей общаюсь вместо тебя! Потащила сюда, чтобы тебе, блин, стало легче! Думаешь, мне легко?! Думаешь!.. Всё это!..

Она тяжело дышала, красная и взъерошенная, в чёрном пальто, она вжимала голову в плечи и напоминала побитую ветром ворону. И Василисе стало её жаль, и снова накрыло топкое чувство вины.

— Я этого не просила! — воскликнула Василиса, не способная вынести этих чувств.

Дина открыла было рот, чтобы крикнуть что-то в ответ.

— Да тише вы! — гаркнул кто-то. — Всю рыбу распугаете.

Дина с Василисой замерли и оглянулись. Это оказался один из рыбаков, вернее, рыбачка — широкоплечая женщина с короткими белыми волосами, она сидела на стуле, вытянув ноги в берцах и скрестив руки на груди. У её ног лежала удочка.

— Разорались, — проворчала она, поправляя лацканы чёрного кожаного пальто. — Дома выясните отношения, понятно?

— Где хотим, там и выясняем! — Василисе нужно было хоть куда-то деть свой гнев и разочарование, и лучше уж пусть это будет незнакомка, чем Дина.

— Свет, — рука Дины уже привычно легла Василисе на спину, голос звучал спокойно и почти ласково, — пойдём обсудим всё в номере. Про чаро-

деек, магию и другие миры. Я думаю... думаю, нам лучше всё это серьёзно обговорить и решить, что делать. Тебе... Я думаю, тебе нужна помощь.

55

— Мне нужно вернуться домой, — пробормотала Василиса, глядя в рыбы глаза рыбачки. Та бесстрастно хмыкнула и отвернулась.

— Ты уже дома, — эхом отозвалась Дина.

5

НА РАЗНЫХ КРАЯХ ПРОПАСТИ

Кирши вернулся в гарнизон поздней ночью, радуясь пустым коридорам корпуса. За весь путь от ворот до своей комнаты он встретил только двух Воронов, когда заводил коня в стойло. Вороны же коней запрягали, явно собираясь на задание.

Нечисть в последнее время так разбуянилась, что гарнизон практически постоянно пустовал, ни один Ворон не сидел без дела. Соколов же по-прежнему держал при себе Совет, что порядком раздражало Атли, но поделаться он с этим ничего не мог. Правила Гвардии обязывали Соколов охранять Совет Чародеев в случае опасности, и гибель всех командиров Гвардии как раз считалась таким случаем. Так что, пока у Гвардии не появится новый главнокомандующий, отозвать Соколов не получится.

Несколько дней пути вымотали Кирши, и он долго отмокал в купели, предусмотрительно забросив мешочек, в котором обитал Тирг, в ящик стола. Болтовни домового он бы сейчас не вынес, а тот, питаясь энергией Тёмного, не мог обрести

телесную форму, если Кирши не носил мешочек на себе. 57

Тёплая вода убаюкивала, и Кирши даже несколько раз задремал, пребывая где-то между сном и реальностью, поэтому думал, что непременно уснёт, едва голова коснётся подушки. Но не тут-то было.

Когда Кирши, завёрнутый в полотенце, вышел из ванной, Атли уже ждал его в комнате. Он сидел на стуле у стола и играл с гусиным пером, то балансируя им на пальце, то подбрасывая в воздух и ловко перехватывая на лету.

Сон как рукой сняло, и Кирши внутренне оцепенел, с досадой отмечая, что потерял бдительность и не услышал, как Атли вошёл.

Малахитовые глаза Атли взглянули на Кирши исподлобья, замедлились где-то на уровне живота, скользнули ниже и быстро вернулись наверх, к лицу.

— Видел, как ты приехал, — сказал он и натянул привычную фальшиво-дружелюбную улыбку, от которой Кирши тошнило. — Почему не зашёл ко мне?

— Думал заглянуть утром, когда не буду валиться с ног от усталости, — бросил Кирши, нарочито равнодушно проходя мимо Атли и сбрасывая полотенце на кровать.

Атли затопила горячая волна смущения и рикшетом ударила Кирши под дых. Щёки вспыхнули, а желудок сделал предательское сальто, и Кирши поспешил натянуть штаны. Чёртова клятва.

Кирши обжёт Атли полным ненависти взглядом, сгорая в бессильной злости оттого, что тот не может в полной мере ощутить эту ненависть, тогда как Кирши, словно верный пёс, вынужден делить и проживать все чувства своего хозяина.

Атли отвёл взгляд, и смущение сменилось стыдом, таким топким и ярким, что Кирши даже не мог разобрать, чей именно это стыд — его или Атли.

— В Горлицах было четыре ночницы. — Кирши поторопился сменить тему и натянул рубаху. — Я всех убил.

— Сразу четыре? — проговорил Атли, и Кирши поморщился от его беспокойства. — Леший, что же творится?

— Древнее зло поднимает голову и идёт уничтожить всех нас? Готовьте девственниц и скалы, — хмуро пошутил Кирши и расчесал пятернёй влажные волосы. Холодные капли тут же пропитали рубашку, и мурашками разбежались по телу.

Атли проследил за его движением, и Кирши стиснул зубы, чувствуя, как тягучая истома собирается внизу живота, а в голову лезут, сбиваясь в тугой клубок, мысли, слишком далёкие от прикованных к скалам, на радость древним чудищам, девственниц.

Он знал, что, как только Атли покинет комнату, наваждение исчезнет, он снова станет собой и обретёт какое-то подобие свободы, хотя бы над своими чувствами. Но пока Атли был тут... Кирши уже сотню раз пожалел о том, что вздумал поиздеваться над Атли с этим дурацким полотенцем. Впрочем, тогда он хотя бы руководствовался собственными чувствами, а не отражением чужих.

— Ты сделаешь для меня кое-что? — спросил Атли, глядя себе под ноги.

Если бы он приказал, Кирши упал бы ему в ноги и принялся радостно вылизывать его сапоги. Одно его слово — и Кирши лишил бы себя жизни. Взгляда хватило бы, чтобы поставить его на колени. К чему эти игры в дружеские просьбы? Он же и сам прекрасно знает, как работает клятва верности.

— Просто прикажи, — выдавил Кирши, до боли вцепившись пальцами в край стола.

— Я не хочу тебе приказывать...

— Да мы оба знаем, что любое твоё слово — приказ! — выпалил Кирши. — Просто скажи, что тебе нужно. Убить кого-то? Провести со мной ночь? Я всё сделаю. Только давай без... этого.

— Чего «этого»? — спросил Атли, и Кирши чуть не завыл от жалости, тоски, нежности, ненависти и гнева. Словно кто-то перевернул корзину с клубками и нити размотались, спутались, а Кирши в попытке вернуть их на место угодил в эту разноцветную паутину. И чем больше он пытался из неё выпутаться, тем туже она связывала его по рукам и ногам.

Чувство щенячьего восторга от близости к хозяйину сменялось волнами жгучей ненависти. Желание трепетно и самозабвенно выполнять каждую его прихоть боролось с желанием голыми руками вышибить из него дух, отыграться за все годы унижений и рабства, которые Атли лицемерно величал дружбой.

Кирши сжал кулаки, зная, что его тело безвольно рухнет на пол ещё до того, как удар достигнет цели. Поэтому всё, что ему было доступно — полный ненависти взгляд.

— Так чего «этого»? — повторил вопрос Атли.

Кирши выдохнул, беря себя в руки. Он медленно провёл рукой по лицу, будто стягивая с него паутину. Ничего, если у него получится задуманное, скоро всё закончится.

— Ничего. Прости. Я, наверное, устал. Так что ты хотел? — В голос его вернулись привычные спокойствие и скука, хотя в груди всё ещё пульсировал, стягиваясь, клубок перемешанных ниток.

— Я хочу назначить Аньяну главнокомандующей. Твоя помощь пригодилась бы мне на церемонии. После этого сможешь выбрать себе новое задание. Есть уже что-то на примете?

60 Кирши кивнул. Его интересовало только одно задание.

— Отлично, детали обсудим завтра, — кивнул Атли и расстегнул верхнюю пуговицу на вороте кафтана.

Клубок сжался и обжёг рёбра. Кирши снова схватился за столешницу.

— Ты, — хрипло сказал он, — хочешь остаться сегодня?

Атли перевёл взгляд на свои пальцы, что держались за следующую пуговицу на кафтане, и, покачав головой, спрятал руку в карман.

— Не сегодня. Ты же устал. — Он улыбнулся и, кивнув Кирши, направился к выходу.

Едва дверь за ним закрылась, Кирши, облегчённо выдохнув, сполз на пол. Облегчение смешивалось с болезненным разочарованием и жгучим чувством вины, и Кирши отчаянно надеялся, что они исчезнут, как только Атли покинет этаж.

* * *

Наутро Кирши проснулся совершенно разбитым, наскоро умылся и оделся, решив не откладывать разговор с Атли в долгий ящик. Ему хотелось как можно скорее убраться из гарнизона и, возможно, уже не возвращаться назад.

Кирши вышел в коридор и направился к кабинету Атли.

Воздух завертелся чёрным дымом, на пол шлёпнулся Тирг. Он задрал хвост и поспешил вслед за Кирши. Толстые бока покачивались в такт бегу — энергия Тёмного быстро превратила домового в упитанный шерстяной шар.

— Думаешь, он не догадается? — спросил Тирг, обегая вокруг ног Кирши.

— Если ты не будешь орать на весь гарнизон.

— Нет, ну серьёзно. — Тирг понизил голос до скрипучего шёпота. — Дельце-то рискованное.

— Тебя что-то не устраивает?

Тирг призадумался и вильнул хвостом.

— Да нет. Ты, как прознал об этой шкатулке, перестал пытаться убить себя на каждом задании. А я, как ты понимаешь, морда заинтересованная в сохранении твоей жизни. Но выглядишь ты, конечно, всё равно как дерьмо кикиморы.

Кирши усмехнулся:

— Зато ты, Тирг, выглядишь прекрасно.

Довольный домовой распушил усы, запрокинул голову и продемонстрировал мелкие белые клыки. Хвост стоял трубой, а его кончик мелко подёргивался.

— Но мы сейчас не обо мне, — с ноткой сожаления в голосе сказал он. — Мы сейчас о том, что в погоне за шкатулкой ты уже схлопотал болт в плечо и чуть не помер, так что Аньяне пришлось тебя практически с того света вытаскивать. Уверен, что дело того стоит?

— Помяни Лихо, и оно уже на тебе сидит, — вместо ответа сказал Кирши.

В конце коридора он заметил Аньяну и отметил про себя, что белый кафтан ей очень к лицу, круглому и вечно румяному, щёки как два наливных яблочка. Завидев Тёмного, Аньяна раскраснелась ещё больше, одним мимолётным движением перекинула косу со спины на грудь и по-детски широко улыбнулась. Да уж, главнокомандующая из неё выйдет... занимательная. Впрочем, Аргоград тоже не был образцом показной серьёзности, но с Гвардией управлялся неплохо.

— Здравствуй! Рада, что ты вернулся! — Аньяна расправила складки на кафтане и приблизилась к Кирши. — Как твоё плечо? Не беспокоит?

— Не беспокоит, капитан. — Кирши коротко кивнул. — Спасибо, что подлатала.

— Брось эти ужасные обращения, — махнула она рукой, хмурясь. — Для тебя я просто Аньяна.

— Если хочешь заработать уважение, привыкай сама и от остальных требуй. Особенно раз решила убедить Совет в том, что можешь возглавить Гвардию.

— Кирши, уважение не складывается из выполнения требований и обращений по званию.

— Это отличное начало, если уважать больше не за что, — заметил Кирши без задней мысли.

Аньяна вспыхнула. Румянец расплзся пятнами по всему лицу, брови сошлись на переносице, рот скривился, а рука взметнулась в воздух. Но вместо того чтобы закричать и отвесить Кирши пощёчину, она засмеялась и хлопнула его по плечу.

— Кирши, ты совершенно прав, — смех вышел натянутым и неправдоподобным, но Аньяна словно не замечала этого. — Но я рада, что такие прекрасные друзья, как Атли и ты, поддерживают меня.

— Мы не друзья, — бросил Кирши и повернул в направлении красной двери в кабинет Атли.

— Боги, ну ты и засранец, — прошептал наблюдавший за происходящим Тирг, оглядываясь на Аньяну, которая плелась следом. — Девчонке и так сейчас тяжело, зачем надо было её добивать? И что Василиса в тебе нашла?

Кирши вздрогнул. Любовное зелье — вот что она в нём нашла. Как и он в ней. Ведь по сути, что между ними было? Пара объятий и поцелуев, странный обмен воспоминаниями на заплёванном полу кровницы, когда он позволил Василисе черпнуть своих сил.

Они не успели не то что узнать друг друга — сблизиться достаточно, чтобы хотя бы краешком глаза заглянуть под маски. Кирши не о чем было

